

*Lesława Korenowska***Язык поэзии Лины Костенко****Предисловие**

Творчество любого писателя или поэта всегда индивидуально. С одной стороны, оно постоянно соотносится с литературным жанром; с другой – в определенной степени выходит за рамки любых литературных течений именно из-за специфичности стиля автора. Эта неповторимость обусловлена особенностью авторского стиля. Если мы имеем дело с художественным текстом, в частности поэтическим, то перед нами открывается совокупность художественно-эстетических и стилистических качеств, которые определяют своеобразие произведения<sup>1</sup>. Это и есть поэтика. Прочтение или, вернее, вчитывание в поэтические строки в большей мере требует от читающего врожденной интуиции, чувственности, уязвимости, тонкой организации души, нежели интеллектуальности или логического осмысления текста. Так начинается диалог между автором и читателем посредством текста, а это, как писала Марина Цветаева, и есть со-творчество, со-переживание, со-понимание, сотрудничество с автором произведения, что порождает вереницы интерпретаций. Согласимся с Эриком Хиршом в том, что «всякая интерпретация начинается и заканчивается как разгадка загадки, и никто до сих пор не придумал метода интеллигентного разгадывания загадок»<sup>2</sup>. Интерпретация важна в индивидуальном восприятии текста, без нее произведение остается как бы пустым, не расцветает лучами воображения и теряет возможность стать вневременным. Эмиль Стайгер называет интерпретацию искусством, которое опирается на «непосредственное ощущение стилистического единства произведения»<sup>3</sup>.

Исходя из того, что объектом поэтики является художественный текст, созданный благодаря индивидуальной творческой манере писателя/поэта, в данной работе сосредоточимся на анализе и интерпретации языка поэзии современной украинской поэтессы Лины Костенко с целью эксплицировать художественные средства образности, мастерски вплетенные в языковые

<sup>1</sup> См. об этом: Н. Буало, *Поэтическое искусство*, ГИХЛ, Москва 1957; Ю.М. Лотман, *Структура художественного текста*, Издательство Искусство, Москва 1970; R. Nycz, *Od teorii nowoczesnej do poetyki doświadczenia*, [w:] *Kulturowa teoria literatury 2. Poetyki, problematyki, interpretacje*, red. R. Nycz, T. Walas, Universitas, Kraków 2012.

<sup>2</sup> E.D. Hirsch, *Validity in Interpretation*, Yale University Press, New Haven 1967, c. 171.

<sup>3</sup> E. Staiger, *Sztuka interpretacji*, [w:] *Teoria badań literackich za granicą*, oprac. H. Markiewicz, Kraków 1976, t. 1, c. 222.

структуры стихотворений. Кроме того, попытаемся проследить представленную в них вербально-эстетическую картину мира, оценить вклад автора в систему уже функционирующих словесных художественных средств национального языка, определить общие закономерности и ведущие тенденции развития литературного языка. Напомним, что стиль автора – это та совокупность особенностей творчества, которая отличает его произведения от произведений других художников слова. В более широком понимании стилем также называют систему художественных средств и приемов в творчестве отдельного писателя, группы писателей (течения или направления) целого литературного времени. Носителями стиля являются элементы формы художественного произведения – от композиции до языковых выраженных форм. Использование изобразительно-выразительных средств писателя эффективно, когда они закономерно сочетаются с художественно мотивированной системой.

### Язык и стиль автора

Изучение языка автора, вернее, его индивидуального стиля – научная область, занимающая место между литературоведением и лингвистикой, где последняя рассматривает широкий выбор языковых средств и системность этого спектра. Виктор Виноградов выдвигает мнение о том, что стиль писателя «создает и воспроизводит индивидуально-выразительные качества и соотношение вещей-образов, характерных для творческой системы именно этого художника»<sup>4</sup>.

Размышляя о стиле мастера слова, можно заметить, что писатель выражает свои мысли тем «словом-голосом», которое требует сущности мысли. Его «слово-голос» можно назвать талантом, оригинальным мнением, характером. Согласно Александру Ефимову, изучение языка автора проявляется, главным образом, в определении того, что писатель берет из языка, и как, в каких целях употребляет, а также чем отличается «голос» данного писателя от «голосов» других<sup>5</sup>. Григорий Винокур писал, что, изучая «язык писателя или отдельно взятого произведения, мы таким образом ступаем на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, сверхиндивидуального, к самому пишущему»<sup>6</sup>.

В свою очередь, Виноградов подчеркивал, что через понимание образа автора как «сверхкатегории» художественного произведения и лежит «путь его комплексного, целостного анализа»<sup>7</sup>.

В последнее время наблюдается смещение исследовательского интереса по типу и жанру художественного текста на индивидуальный стиль автора (идиостиль), в определении и понимании которого мнения ученых

<sup>4</sup> В.В. Виноградов, *О теории художественной речи*, Высшая школа, Москва 1971, с. 211.

<sup>5</sup> А.И. Ефимов, *Стилистика художественной речи*, Издательство Московского университета, Москва 1957, с. 166.

<sup>6</sup> Г.О. Винокур, *Об изучении языка литературных произведений. Избранные работы по русскому языку*, Учпедгиз, Москва 1959, с. 231.

<sup>7</sup> В. Виноградов, *О теории художественной речи...*, с. 211.

расходятся. Общая мысль основана на том, что стиль автора является многоаспектным понятием, которое включает совокупность языковых и стилистически текстовых особенностей, присущих речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка. Согласно мнению Валентины Леденевой, при отборе средств для выражения своего замысла автор руководствуется субъективной категорией предпочтения, определяющей индивидуальный характер стиля, отличие его от идиостилей других писателей<sup>8</sup>.

Дэвид Кристалл и Дэрек Дэйви в труде, посвященному стилистическому анализу текста, отмечают, что понятие индивидуальной манеры писателя следует отличать от понятия авторской оригинальности, которая носит относительно темпоральный характер и предполагает своеобразный, но сознательный отбор языковых средств. Индивидуальная манера относительно устойчива, постоянна, не может быть управляема, поскольку носит нелингвистический характер. Оригинальность же подразумевает неустойчивые, временные черты, свидетельствующие о чисто нетрадиционном использовании языковых средств<sup>9</sup>. Ученые Рональд Лангакер и Зинаида Тураева сходятся во мнении, что личный стиль автора определяется системой национального языка<sup>10</sup>. Согласно Сурену Золян, в стиле проявляется так называемое «иномышление» творческой личности, во многом обусловленное генетически и зависящее от образа мышления автора<sup>11</sup>.

В данном исследовании за основу возьмем лингвопоэтический подход для анализа языка поэзии Лины Костенко как сложной системы «взаимообусловленных языковых приемов», которая служит украинской поэтессе для построения ее художественного мира<sup>12</sup>. Напомним, что лингвопоэтический анализ считается третьим уровнем изучения текста (метаметасемиотический). Именно в нем можно наблюдать сочетание, гармоничный симбиоз литературоведческого и лингвистического анализов текста художественного произведения. В свою очередь, лингвопоэтика, вслед за Дмитрием Чистяком и Светланой Шуляк, сосредотачивается на эстетических свойствах и языковых единицах, выступающих в художественном контексте<sup>13</sup>.

---

<sup>8</sup> В.В. Леденева, *Идиостиль (к уточнению понятия)*, «Филологические науки» 2001, № 5, с. 38–41.

<sup>9</sup> Д. Кристалл, Д. Дэйви, *Стилистический анализ*, «Новое в зарубежной лингвистике» 1980, вып. 9 (сост. и вступ. статья И.Л. Гальперяна), с. 148–165.

<sup>10</sup> R.W. Langaker, *The conceptual basis of cognitive semantics*, [in:] *Language and conceptualization*, eds. J. Nuyts, E. Pederson, Cambridge University Press, Cambridge 1999, p. 229–252; З.Я. Тураева, *Лингвистика текста и категория модальности*, «Вопросы языкознания» 1994, № 3, с. 105–114.

<sup>11</sup> С.Т. Золян, *Семантика и структура поэтического текста*, изд. 2, перераб. и доп., УРСС, Москва 2014, с. 156.

<sup>12</sup> Н.С. Болотнова, *Изучение идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного средства*, [в:] *Тезисы II Международного конгресса русистов-преподавателей*, Филологический факультет МГУ, Москва 2004, с. 37.

<sup>13</sup> Д. Чистяк, *Лінгвокогнітивний, лінгвопоетичний та лінгвофілопоетичний підходи до аналізу художнього концепту: пошук кореляції*, «Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики» 2016, № 29, с. 292–303; С. Шуляк, *Лінгвопоетика*

### Особенности поэтики Лины Костенко

Творческая личность Лины Костенко отразилась в языке ее произведений. Поэтесса постоянно совершенствует национальную речевую культуру, используя новые средства выразительности, расширяя семантические границы и возможности художественного слова. Особое значение в образной ткани стихотворений автора поэмы *Берестечко* имеет лексика, в значительной степени обусловленная идейно-тематическим и жанровым своеобразием ее произведений. Среди особенностей поэтического языка поэтессы следует отметить завораживающую эстетичность, виртуозную усложненность, повышенную ассоциативность, яркую метафоричность синонимических лексем, синестезию, оригинально отражающие самобытность индивидуальной языково-поэтической модели мира автора.

Лина Костенко – яркая фигура современного украинского литературного процесса. Ее творчество стало объектом пристального внимания многих ученых XX–XXI вв. К ним можно отнести труды таких исследователей, как В. Агеева, В. Базилевский, В. Брюховецкий, Т. Гундорова, Л. Тарнашинская, О. Таран, Н. Бойко, И. Пономаренко, Г. Клочек, О. Башкирова, Т. Коляда и многие др. Следует заметить, что в появившихся научных исследованиях больше внимания уделяется преимущественно теоретическим аспектам, в отличие от текстологического восприятия стихотворений. Однако ощутимо недостаточное количество научных трудов текстуального изучения произведений украинской поэтессы.

В данной работе сосредоточим наше внимание на наиболее ярких признаках поэтического языка поэтессы; попытаемся создать целостное впечатление от отдельных стихотворений Костенко на основе синтеза наблюдений, анализа и интерпретаций, чтобы более полно раскрыть яркость выраженных ею чувств и особенностей поэтики. Среди основных видов тропов, встречающихся в строках Костенко (сравнения, эпитеты, метонимия, синекдоха, аллегория, гипербола, перифраз, оксиморон, ирония), остановимся на синонимах и антонимах, вопросительных конструкциях, метафоре, синестезии и аллитерации. Выбор выделенных троп для исследования обусловлен их особым значением, которое они обретают в текстах стихотворений. Функционирование названных художественных средств в поэзии Костенко, рассмотрим на примерах из сборника *Вибране* (1989).

### Синонимы и антонимы

Опираясь на словарное определение, можно констатировать, что сходство и противопоставление являются основой семантики этих понятий. Однако в поэзии Костенко наблюдается несколько иное семантическое поле названных художественных средств образности. Ярким примером может стать стихотворение *Спини мене спини і схамени* (301)<sup>14</sup>. Первая строка соткана из

---

*і проблеми організації текстових структур, «Психологічно-педагогічні проблеми сільської школи»* 2016, № 25, с. 92–97.

<sup>14</sup> Во всей статье примеры цит. по: Л. Костенко, *Вибране*, Видавництво художньої літератури «Дніпро», Київ 1989 (страницы указаны в скобках – Л.К.).

дублирующегося глагола движения (*спини/останови*) и глагола с семантикой психологической персвазии (*схамени/меня приведи в чувство*) со значением заклинания или просьбы, которые в симбиозе творят концептуальные авторские синонимы. В приведенном примере прослеживается «непривязанность поэтессы к литературным аксиомам, доказательством чего является тот факт, что в стихотворении все зависит только лишь от авторского замысла»<sup>15</sup>. В данном стихотворении все совершенно, проверено на собственном опыте поэтессы, вследствие чего недопустимым кажется разрыв строфы или вырывание строк из контекста. Поэтому синонимами становятся слова, которые в костенковском сочетании являются контекстуальными синонимами. Следует заметить, что в приведенном стихотворении нет пунктуационных знаков и прописных букв. Приведем весь текст стихотворения.

спини мене отямся і отям  
така любов буває раз в ніколи  
вона є промчить над зламаним життям  
за нею будуть бігти видноколи  
вона є порве нам спокій до струни  
вона ж слова поспалює вустами  
спини мене спини і схамени  
ще поки можу думати востанне  
ще поки можу але вже не можу  
настала черга й на мою зорю  
чи біля тебе душу відморожу  
чи біля тебе полум'ям згорю (301)

Поэтесса пренебрегает синтаксическими нормами, обращаясь прямо, а не косвенно, к каждому своему слову, ставя между ними знак равенства. И этот прием работает: слова обретают автономность, глубже врезаются в сознание реципиента. Стремительный поток сознания, выраженный в словах лирической героини, передает состояние необыкновенного, почти аффективного возбуждения. Последние две строки напоминают крик души лирической героини из стихотворения *Вчера еще в глаза глядел* М. Цветаевой. Сравним: «Жить приучил в самом огне, // Сам бросил – в степь заледенелую!» и «чи біля тебе душу відморожу // чи біля тебе полум'ям згорю». Разница улавливается в том, что в словах цветаевской героини чувствуется укор, сожаление, даже некий страх остаться без любимого; в костенковских строках звучит гордое и вместе с тем смиренное принятие, умом и сердцем, того, что принесет ей любовь.

Стоит добавить, что отказ Лины Костенко от поэтической и нормативной пунктуации – явление не новое в поэзии XX века. Оно встречается, например, в поэтических текстах Павла Тычины, Миколы Винграновского и др.<sup>16</sup>

<sup>15</sup> К. Дюжева, *Поетика вираження почуттів у ліриці Ліни Костенко*, «Наукові записки», серія «Філологічна», вип. 18, Видавництво Національного університету «Острозька академія», Острог 2010, с. 87.

<sup>16</sup> О. Таран, *Поетика печалі в художньому світі Ліни Костенко*, «Українська мова та література» 2004, № 15, с. 19–23.

В стихотворении *Біла симфонія* автор как бы проводит свой идеал сквозь мудрость парадокса. Речь идет о внутреннем мире женщины, который в минуты осязания открылся ей такой глубиной, которую умом не понять: «Ти – моє перше кохання.// Останнє уже було» (127). Как такую поэтическую формулу произнести обыкновенными словами? Кажется, таких слов нет. Это же сумасшествие. Но такое, которое превышает мудрость мира. Василий Марко считает, что правда, открытая поэтессой в этих строках, тяготеет к Абсолюту, поскольку она утверждает божественное в человеке, когда этот человек сам творец<sup>17</sup>. С точки зрения поэтики, перед нами пример словарных антонимов (перше – останнє). Но их прочтение требует от читателя углубления в биографию автора для понимания о ком идет речь.

В поэтической строке «Ще слів нема. Поезія вже є» («Стоїть у ружах золота колиска», 28) прослеживается сопоставление архетипов экзистенциальной, почти шекспировской нагрузки «быть» и «не быть», что в своем сочетании творит вечный водоворот жизни, бытия, рождения и творчества. Библейское «вначале было Слово» у Костенко перефразируется «спершу була Поезія», тем самым ставя Слово и Поэзию в один ряд, акцентируя внимание на их совместном действии – энергией заполнять мысленное пространство, рождать свежие чувства, побуждать к доброму и светлому.

### Вопросительные конструкции

Как известно, это предложения с разнообразными интонационными наклонениями, составляющие сложный комплекс стилистически осмысленных построений. Именно они являются одним из характерных признаков поэтики Костенко, поскольку творчество автора – это не только поэзия итогов, афористических выводов, ответов. Очень часто это поэзия вопросов. В костенковских стихах вопросительные конструкции усиливают характерную интонацию размышления вслух, знаменуют восприятие целого жизненного течения как полилога, диспута, титанической духовной работы, осмысления, постижения, озарения.

Відходять вірші, наче поїзди.  
Гримлять на рейках бутафорські строфи.  
Але куди? Куди вони, куди?!  
Поезія на грані катастрофи.  
І чи зупиним, чи наздоженем?  
Вагони йдуть, спасибі коліщаткам...  
Але ж вони в майбутнє порожнем!  
Як ми у вічі глянемо нащадкам?! (*Поезія згубила камертон*, 173)

Поэтической доминантой творчества Костенко является поэт и поэзия. Волнения за литературное наследие органически сочетаются с ответственностью за качество выполняемого труда, т.е. создание поэтических строк, которые обретут бессмертный смысл, будут обладать весомостью суждения

<sup>17</sup> В. Марко, *Лірика Ліни Костенко. Аналітичні етюди*, «Науковий вісник Ужгородського університету» 2013, серія: Філологія. Соціальні комунікації, вип. 1 (29), с. 104.

и влиять на судьбы потомков. Графическое оформление приведенного примера пестрит вопросительными и восклицательными знаками. Эмоциональное обрамление текста посылает не только к поэту, но и к каждому из нас тревожный вопрос: имеют ли слова, которые произносим или фиксируем знаками на письме, бессмертный смысл, способны ли они перейти в вечность и не потеряться в спирали веков и эпох.

Так чого ж я шукаю і чим я жива?!

Ви поезія, вірші? Чи тільки слова? (*Відмикаю світанок скрипковим ключем*, 8)

Вопросительная конструкция, направленная к себе самой, выходит за рамки адресовности, расширяя при этом диапазон адресатов и заставляя каждого из них определить свое место, цель, задачи и т.д. в этой жизни. Богатство и разнообразие вопросительных конструкций в поэтическом творчестве Костенко не только влияют на ритмико-интонационный строй стиха, но и, построенные на основе народно-разговорного мировосприятия, подчиняются эмотивной функции, становятся средством художественно-эстетического выражения текста.

### Метафора и синестезия

Можно с уверенностью сказать, что метафоричность является одним из определяющих признаков поэтики каждого художника слова, а Лины Костенко в особенности. В процессе создания художественных образов костенковская метафоризация выступает не механической заменой одного слова или восприятия другим, а сложным многоплановым образованием нового мира образов, расширяющим семантические границы лексем и обогащающим язык новыми оттенками их лексического значения. Наблюдается частое обращение поэтессы к метафоризации действия и состояния, что можем объяснить своеобразной семантической открытостью глагола из-за абстрактности именуемого действия и его способности входить в состав многочисленных синонимических рядов. Именно такую особенность глагола подчеркивает Виталий Русановский, называя ее способом «удвоенного видения мира», при котором «воображаемый образ, подобно тени, очерчивающей на стене контуры определенного предмета, во всем повторяет реальный мир»<sup>18</sup>.

Приведем калейдоскоп примеров ярких костенковских метафор:

Красива осінь вишиває клени... (323)

Осінній день березами почавсь, //Різьбить печаль свої дереворити. (344)

Я лиш інструмент, //в якому плачуть сни мого народу. (93)

Зафиксированные в приведенных поэтических строках метафоры, в состав которых входят качественные и относительные имена прилагательные (красивая, осенний) и глаголы (вышивает, резьбит), важны для языкотворчества Костенко. Это своеобразная палитра, помогающая автору более полно эксплицировать художественные образы. Антропоморфизм в первых двух

<sup>18</sup> В.М. Русанівський, *Дієслово – рух, дія, образ*, Радянська школа, Київ 1977, с. 56–72.

примерах перерождается в характерную для украинок традицию вышивания, а резьба древесников (техника гравюры на доске из дерева, разрезанного поперек слоев) становится уделом печали, семантически связанной с осенью. Последний приведенный пример вырисовывает в воображении музыкальный инструмент, с которым ассоциирует себя поэтесса. Расширенная метафора, представляющая нам инструмент, который может плакать снами своего народа, вызывает минорные эмоции под аккомпанемент грустного голоса скрипки. Метафорические строфы («Різьбити печаль свої дереворити», «Свій будень серця будемо творити», 344) приносят в текст стихотворения тональность чувственности. Невозможность высказать словами то, что переполняет душу лирической героини и создает впечатление таинственности и недосказанности.

«Благословенна кожна мить життя/ на цих всесвітніх косовицях смерті» (*Страшний калейдоскоп*, 7) – так сказать о своем трагическом времени могла только Костенко. Ведь ею руководит любовь ко всему, что посылает судьба, которую «вибрала собі сама». Кажется, поэтому поэтесса всегда чувствуется в своем времени, органически соединяющим прошлое и будущее, не переживает раздвоенности, во всем проявляя целостность натуры. Каждое стихотворение требует внимательного прочтения, чтобы открылась глубина его смысла.

Можем констатировать, что метафора как основа художественного текста является ведущим элементом в творчестве Костенко и служит для создания многоаспектного мира поэтических образов. Используя метафору для представления новой поэтической реальности, поэтесса прибегает к многоуровневой метафоризации, то есть полиметафоричности, достигая тем самым глубины и многомерности созданных поэтических образов, их эстетической насыщенности, пропагандируя при этом неисчерпаемые возможности украинского языка. Бесспорно, морфологическое своеобразие метафорического мира Костенко – шаг к познанию индивидуального стиля поэтессы.

### Аллитерация

Значительная часть произведений Лины Костенко – это стихотворения, которые формируют тематическую доминанту природы. Поэтесса стремится расширить семантический спектр лексем, представляющих эту доминанту на разных проблемных уровнях, в частности, психологическом и философском. Как известно, пейзаж в художественных произведениях выполняет разные функции. Чаще всего природа служит более полному отражению чувств персонажей. Кроме того, она может приукрашивать описание местного колорита и способствовать дальнейшему развертыванию сюжетных событий в произведении. Кажется, любимым временем года поэтессы можно назвать осень. Несмотря на то, что слезливое время года приносит печаль, грусть, дожди и непогоду, Костенко восхищается им. Не зря целый цикл поэтических произведений назван *Осенние карнавалы*. Природа в стихах одухотворена и передает душевное состояние лирической героини, о переживаниях которой свидетельствуют происходящие в природе изменения: чем печальнее на душе лирической героини, тем минорнее природа.

Осінній день, осінній день, осінній!  
О синій день, о синій день, о синій!  
Осанна осені, о сум! Осанна.  
Невже це осінь, осінь, о! – та сама.  
Останні айстри горілиць зайшлися болем.  
Ген килим, витканий із птиць, летить над полем.  
Багдадський злодій літо вкрав, багдадський злодій.  
І плаче коник серед трав – нема мелодій... (321)

Приведенную поэзию переполняют аллитерации, составляющие звукофон, в котором преобладают сонорные (н, л), глухие (с, т) и звонкие (д, б, з) звуки, обреченные гласным «о». Этот осенний оркестр тонко и нежно передает тягучую мелодию печали и прощания, воспоминания об ушедшем лете, которое багдадский вор (герой сказок *Тысяча и одной ночи*) украл. Поэтому не звучат уже больше те мажорные мелодии, под аккомпанемент которых полевой конек в летнее время плясал на тонких зеленых ножках. Аллитерация глухого согласного «с» и сонорного «н» позволяет узреть осень в синем цвете и сакральном восприятии (*Осанна осені*).

Звучание стихотворения свидетельствует о «высоком музыкальном качестве рифмовки и подчеркивает профессионально-виртуозное владение словом»<sup>19</sup>. Эмоционально-смысловая нагрузка стиха доводит до апогея простые стилистические фигуры – повторы (*осенний день, осенний; о синий день, о синий*), которые создают колыбельно звучащую аллитерацию восприятия представленной осенней картины. Костенко настолько мастерски использует средства поэтики, что осязательным становится запах осеннего дня, взор обретает способность различать цвета уходящего лета, а слух улавливает тихий плач полевого конька.

## Некоторые итоги

Исследование стиля писателей, как и классиков литературы, так и современных авторов помогает не только выявить особенности поэтики того или иного художника слова, но и раскрыть возможности языка в целом, проследить изменения литературной нормы.

Концептуальный подход к изучению языковых явлений позволяет проникнуть в самую сущность языка, очертить круг его потенциалов и выяснить особенности стиля писателя. Следовательно, исследования в этом направлении перспективны в современном языкознании. Особенности творческого стиля Костенко, ярко передающие целостность и бескомпромиссность личности поэтессы, проектируются на целостность поэтического наследия. Это сочетает тексты поэтессы не только категорией стиля или жанра (хотя единство индивидуального стиля и единство жанровой структуры в лирике Костенко наличествует), но и категорией авторской личности, фактом принадлежности ее к самобытной и яркой творческой системе. Ярослав Голобородько, определяя специфику личности и творчества поэтессы, выразил следующую мысль:

<sup>19</sup> Н. Бойко, *Рима як складова частина фонічної організації тексту. На матеріалі поезій Ліни Костенко, «Українська мова та література» 2003, № 17, с. 27–29.*

«Лина Костенко напоминая ея же созданный образ „пилигрима веков”, который путешествует по дорогам истории, направляясь к своему Слову»<sup>20</sup>.

Может создаваться впечатление, что Костенко является поэтессой, исповедующей каноны художественного традиционализма. Однако ситуация здесь значительно сложнее. В ее художественном естестве живет и бурлит динамическое влечение к новому, экспериментальному, неожиданному.

Поэзия автора *Марусі Чурай* по-настоящему волнует и заставляет задумываться над смыслом жизни. Костенко дарит читателю искренность своей души, философское осмысление жизни, красоту слова, благородство бытия. Поэтессу называют одной из предтеч поэтов-шестидесятников; ее самообытный талант постоянно ищет новые темы, свежие краски, тона и полутона для создания красочности творческой палитры.

Справедливо заметила Людмила Тарнашинская, характеризуя призвание поэта, которое заключается не в толковании, не в выяснении, а в передаче «в слове свое чувство времени, его ритм, его аромат», что составляет «взаимобусловленность того, что мы называем прошлым, нынешним и будущим»<sup>21</sup>. Действительно, поэзия Лины Костенко воспроизводит текучесть времени, открывает чувство-во-времени, запечатлевает и благословит исчезающее мгновение. Богатство ее творческого достояния прослеживается в уникальной поэтике, в которой чувствуется сила слова, глубокое дыхание жизни и мудрость веков.

## Литература

- Hirsch E.D., *Validity in Interpretation*, Yale University Press, New Haven 1967.
- Langaker R.W., *The conceptual basis of cognitive semantics*, [in:] *Language and conceptualization*, eds. J. Nuyts, E. Pederson, Cambridge University Press, Cambridge 1999, pp. 229–252.
- Nycz R., *Od teorii nowoczesnej do poetyki doświadczenia*, [w:] *Kulturowa teoria literatury 2. Poetyki, problematyki, interpretacje*, red. R. Nycz, T. Walas, Universitas, Kraków 2012.
- Staiger E., *Sztuka interpretacji*, [w:] *Teoria badań literackich za granicą*, oprac. H. Markiewicz, Kraków 1976, t. 1.
- Бойко Н., *Рима як складова частина фонічної організації тексту. На матеріалі поезій Ліни Костенко*, «Українська мова та література» 2003, № 17, с. 27–29.
- Болотнова Н.С., *Изучение идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного средства*, [в:] *Тезисы II Международного конгресса русистов-преподавателей*, Филологический факультет МГУ, Москва 2004, с. 24–37.
- Виноградов В.В., *О теории художественной речи*, Высшая школа, Москва 1971.
- Винокур Г.О., *Об изучении языка литературных произведений. Избранные работы по русскому языку*, Учпедгиз, Москва 1959.

<sup>20</sup> Я.Ю. Голобородько, *Філософемні інкрустації Ліни Костенко*, «Вісник Національної академії наук України» 2010, № 3, с. 51–56.

<sup>21</sup> Л. Тарнашинська, *Особливості індивідуального стилю Ліни Костенко*, [в:] Л. Тарнашинська, *Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління (Історико-літературний та поетикальний аспекти)*, Смолоскип, Київ 2010, с. 25–59.

- Голобородько Я.Ю., *Філософемні інкрустації Ліни Костенко*, «Вісник Національної академії наук України» 2010, № 3, с. 51–56.
- Дюжева К., *Поетика вираження почуттів у ліриці Ліни Костенко*, «Наукові записки», серія «Філологічна», вип. 18, Видавництво Національного університету «Острозька академія», Острог 2010, с. 85–92.
- Ефимов А.И., *Стилистика художественной речи*, Издательство Московского университета, Москва 1957.
- Золян С.Т., *Семантика и структура поэтического текста*, изд. 2, перераб. и доп., УРСС, Москва 2014.
- Костенко Л., *Вибране*, Видавництво художньої літератури «Дніпро», Київ 1989.
- Кристалл Д., Дейви Д., *Стилистический анализ*, «Новое в зарубежной лингвистике» 1980, вып. 9 (сост. и вступ. статья И.Л. Гальперяна), с. 148–165.
- Леденева В.В., *Идиостиль (куточнению понятия)*, «Филологические науки» 2001, № 5, с. 38–41.
- Марко В., *Лірика Ліни Костенко. Аналітичні етюди*, «Науковий вісник Ужгородського університету» 2013, серія: Філологія. Соціальні комунікації, вип. 1 (29), с. 103–105.
- Русанівський В.М., *Дієслово – рух, дія, образ*, Радянська школа, Київ 1977.
- Тарнашинська Л., *Особливості індивідуального стилю Ліни Костенко*, [в:] Л. Тарнашинська, *Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління (Історико-літературний та поетикальний аспекти)*, Смолоскип, Київ 2010, с. 25–59.
- Тураева З.Я., *Лингвистика текста и категория модальности*, «Вопросы языкознания» 1994, № 3, с. 105–114.
- Чистяк Д.О., *Лінгвокогнітивний, лінгвопоетичний та лінгвоміфопоетичний підходи до аналізу художнього концепту: пошук кореляції*, «Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики» 2016, № 29, с. 292–303.
- Шуляк С., *Лінгвопоетика і проблеми організації текстових структур*, «Психологічно-педагогічні проблеми сільської школи» 2008, № 25, с. 92–97.
- Таран О., *Поетика печалі в художньому світі Ліни Костенко*, «Українська мова та література» 2004, № 15, с. 19–23.

## The language of Lina Kostenko's poetry

### Abstract

The article analyzes the main features of the poetic language of contemporary Ukrainian poetess Lina Kostenko. The author of the article highlights the features of the poetess's poetic diction, focusing on the artistic means of imagery and performatives, which play an important role in her poetry. Since the poetess's creative individuality is reflected in the language of her poetry, it is appropriate to examine her use of synonyms and antonyms, interrogative constructions, metaphors and synesthesia, as well as auditory and visual perception (e.g., alliteration) of the verbal canvas of her poems. The article also identifies a group of performatives, which are considered as conductors between the text of the poem – conveying the poetess's intentions, ideas, requests, suggestions, warnings, etc. – and the reader. Based on poetic examples, five types of performatives found in Kostenko's poetry are characterized.

**Keywords:** poetics, artistic means, language and style of the author, performatives

**Язык поэзии Лины Костенко****Резюме**

В статье предпринята попытка проанализировать основные черты языка поэтики современной украинской поэтессы Лины Костенко. Автор статьи освещает особенности поэтического слова поэтессы, акцентируя внимание на художественных средствах образности и перформативах, которые играют важную роль в ее поэзии. Поскольку творческая индивидуальность поэтессы нашла отражение в языке ее поэтических произведений, то оправданным является анализ синонимов и антонимов; вопросительных конструкций; метафор и синестезии; звукового и визуального восприятия (аллитерации) словесного полотна ее стихотворений. В статье выделена группа перформативов, которые рассматриваются как проводники между текстом стихотворения, содержащим намерения, идеи, просьбы, предложения, предостережения и т.д. поэтессы, и читателем. На основе поэтических примеров охарактеризованы пять типов перформативов, встречающихся в поэзии Л. Костенко.

**Ключевые слова:** поэтика, художественные средства, язык и стиль автора, перформативы

Lesława Korenowska, dr hab. prof. UKEN  
ORCID: 0000-0003-1372-0667  
Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej  
Instytut Neofilologii, Katedra Przekładoznawstwa  
e-mail: leslawakorenowska@up.krakow.pl

Lesława Korenowska, PhD (habilitatus)  
Institute of Modern Languages  
University of the National Education Commission